

«божьей земле», как писал В. И. Ленин в статье «Крестьянская реформа».¹ Однако и эта мечта таила в себе огромные возможности. Вспомним, что в «легенде о Горе» из «Плача о писаре» ясно говорится о виновниках разрушения этой «досюльщины». Таким образом, при всей смутности крестьянская утопия, отразившаяся в творчестве Федосовой, является поэтическим выражением протеста пореформенного крестьянства против социального устройства России второй половины XIX века.

Чрезвычайно характерно появление этой крестьянской уравнительной утопии, мечты о прошлых временах, когда «жили люди во всем мире постатейныи» (т. е. были равными, не притесняли друг друга — «Едины да все у бога люди созданы»), именно в первые пореформенные годы, когда русское крестьянство особенно остро испытывало на себе всю тяжесть сочетания новых капиталистических форм эксплуатации с многочисленными феодальными, крепостническими пережитками. В. И. Ленин, отмечая реакционность уравнительных идей в революции 1905 г., как «попытки искать позади, а не впереди, решения задач социалистической революции», вместе с тем писал: «При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства, — и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями. Поэтому идея равенства является самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков».²

Г Л А В А 4

Основная тема II тома сборника И. А. Федосовой — рекрутчина и солдатчина.

Как уже говорилось в I томе, горе крестьянской семьи или общественное горе деревенской общины осмысливается как горе социальное, как результат **социального гнета**. Во II же томе семейное и «крестьянское» горе предстает как следствие **государственного гнета**, т. е. не

¹ Соч., т. XVII, стр. 98.

² Соч., т. XII, стр. 317 (подчеркнуто нами — К. Ч.).

просто отдельные чиновники — «судьи неправосудные» или «начальники» — офицеры, но и все государство, включая главу государства — царя, осознается, как чуждая социальная сила. Это несомненно и обусловило исключительную политическую остроту текстов II тома, так высоко оцененных В. И. Лениным.¹

Не случайно, только через 14 лет после встречи с Федосовой, Барсов решился опубликовать записи рекрутских причитаний. Барсову казалось, что прошел достаточный срок для того, чтобы эти тексты воспринимались как отражение далекого прошлого. После казни Александра II народовольцами 1 марта 1881 г. официальная печать потратила немало усилий на создание легенды о «царе-освободителе», упорно замалчивая факты жесточайшего подавления русского общественного движения — расправы с крестьянами, не принимавшими «освободительной» реформы, гонения на прогрессивную печать, кровавую расправу с польским освободительным движением, «подвиги» Муравьева-вешателя и Лорис-Меликова, ссылку Чернышевского, аресты Михайлова, Писарева, Шелгунова и т. д. Официальная печать, а вслед за ней и значительная часть либеральной печати, на смерть напуганная мартовскими событиями, на все лады восхваляла «освободительные мероприятия» Александра II, искажая их действительный смысл, возводя казненного царя в ранг перворазрядного русского святого.

Барсов подписал вступительную статью II тома I марта 1882 года, т. е. в день первой годовщины «1 марта», когда восхваления Александра II в официальной печати вообще уже не имели никаких границ. В «восхвалительном» стиле написана и значительная часть вступительной статьи. Барсов пытался представить тексты Федосовой как иллюстрацию «освободительного значения» реформы Александра II. Об этом же свидетельствует и отзыв вполне официально настроенного П. Д. Голохвастова в письме к И. С. Аксакову: «Если успею, напишу статью о II томе Барсовского сборника «Причитания рекрутские».² Том только что вышел, я читал его на же-

¹ См. Буденный С. М., Боец-гражданин, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 16. Говоря о «сказаниях и песнях», В. И. Ленин имел в виду, очевидно, не только причитания, но и рекрутские песни и «рассказы про беглых рекрут», помещенные в том же томе.

² Насколько нам известно, это намерение не осуществилось.

лезной дороге и ушел в отдельное купе потому, что то и дело не мог от слез удержаться читая: совестно было сидеть и плакать в общем вагоне. Посвящение покойному государю, прекратившему эти ужасы, помечено 1 марта. Так и буду писать. Вот одна из его реформ, а его убили».¹

В действительности же и посвящение и вступительная статья и отзыв П. Д. Голохвастова были в резком противоречии с текстами, звучавшими и после «военной реформы» Александра II (1863—1874 гг.) не менее актуально, чем до нее. Через 5 лет после выхода в свет II тома сборника Барсова, Агренева-Славянская записала совершенно аналогичные по своему идеологическому смыслу тексты, которые, однако, не были механическим повторением записанного Барсовым. В них слышатся отголоски военных событий 1876—1878 гг.²

Следовательно, Барсов не имел никаких оснований утверждать, как он это делает в «посвящении», будто «причеть рекрутская и завоенная отныне прекратилась с рекрутским обрядом».³ Причеть вовсе не исчезла после «военной реформы» 1874 г., как не прекратился и сам «рекрутский обряд»,⁴ более того, она не претерпела существенных изменений. «Военная реформа» сократила срок службы в армии, отменила наиболее зверские формы телесных наказаний, но не изменила жестоких армейских порядков и, тем самым, не могла изменить отношения народа к солдатчине. При относительной прогрессивности этих реформ все же армия сохранила старый крепостнический дух. Попрежнему офицерами были дворяне, а «серая скотинка», как дворяне называли солдат, бралась из крестьян, из «податного сословия».

Следует также отметить, что во вступительной статье и посвящении ко II тому Барсов замалчивает и другое важное обстоятельство — к 1868 г., т. е. году записи текстов, составивших сборник, Александр II процарствовал уже 13 лет и, следовательно, был в полной мере

¹ Переписка П. Д. Голохвастова с И. С. Аксаковым о «Земском Соборе», Русский архив, 1913, № 1, стр. 100.

² См. напр., «Плач матери об убитом на войне сыне» (№ 17) и т. д.

³ 2 стр. посвящения.

⁴ См. напр. запись рекрутского обряда у Агреновой-Славянской, т. III, стр. 71—76.

ответственен за те ужасы рекрутчины и солдатчины, которые изображаются Федосовой.

Как бы ни старался Барсов расписывать любовь народа к «своему царю»,¹ тексты, следующие за вступительной статьей, опрокидывают ее положения. Виновником страданий рекрута, солдата и несчастий сиротеющей семьи вместе с местными «властями» и «командерами» всегда называется и сам царь. Солдатчина иначе не именуется, как «грозна служба государева»,² «злодейна служба государева»,³ «горе-служба государева»,⁴ набирают рекрут по «указу государеву»,⁵ ведут рекрут в «принём государев»⁶ (призывной пункт), «жандармы государевы»,⁷ измеритель роста в «принёме» называется «мера государева». Горюющая мать или жена рекрута, проклиная «службу государеву»,⁸ говорит о рекрутах:

И хоть не скованы да резвы у их ноженьки,
Только скованно ретливое сердечушко;
И хоть не связаны бурлацки бёлы рученьки,
И обрестованы указом государевым.

Рассуждения Барсова являют собою поучительный пример тенденциозного искажения смысла народного творчества, нередкого в практике буржуазно-либеральной науки. Наиболее сильный довод, к которому прибегает Барсов, это выражение «царь-бог русский», действительно употребленное Федосовой. Какое же значение придавала Федосова этому выражению? Внимательный просмотр II тома показывает, что оно встречается всего четырежды. Два раза — в связи с присягой, к которой приводится рекрут в церкви,¹⁰ причем здесь выражение «царь-бог русский» звучит как прямая цитата из текста присяги. Например:

¹ Т. II, стр. XXVII.

² Т. II, стр. 1, 3, 24, 27, 37, 39, 46, 60 и др.

³ Там же, стр. 14, 26, 28, 36, 37, 45, 46, 61, 66 и др.

⁴ Там же, стр. 36, 74.

⁵ Там же, стр. 2, 6, 50, 97, 105 и др.

⁶ Там же, стр. 17, 214.

⁷ Там же, стр. 13.

⁸ Там же, стр. 12, 15.

⁹ Там же, стр. 107, 117 и др.

¹⁰ Там же, стр. 26, 75.

И тут сводили в божью церковь посвященную,
И приводили их к присяге вековечной;
И выше головы кресты они вздымали,
И свою сторону солдаты забывали,
И отца-матушку рекруты проклинали:
«И мы служить будем царю-богу руссийскому,
И мы стоять будем за веру христианскую;
И мы не сделаем измены в каменной Москвы,
И мы спастаь будем Россею подселенную,
Мы оружице держать да на правом плече
И саблю вострую держать до во правой руке».

(т. II, стр. 75)

Третий и четвертый раз то же выражение встречается в речи наследника, приехавшего на фронт:¹

И говорит да тут наследник умильную речь:
«И вы палите-тко, ребята, не дробите-тко,
И послужите-тко за веру христианскую,
И пожалуйте-тко царя-бога руссийского,
Прогоните-тко злодия-неприятеля...»

(т. II, стр. 258)²

Крестьяне, изображаемые Федосовой, вовсе не молятся за царя, как утверждает Барсов, они ищут у бога защиты от царя, от исполнителей его воли, от его «указов» и его «службы».³ И если в I томе можно было встретить:

Кабы ведали цари да со царицами...
Про несчастную бы жизнь нашу крестьянскую! —

(стр. 293)

то в контексте II тома невозможна такая апелляция к царю, который мыслится одним из главных виновников несчастий рекрута и его семьи.

Федосова вырисовывает одну за другой поразительные по своей яркости и мастерской детализации картины жизни «казенного человека» (крестьянина, которому суждено служить в солдатах) — от его рождения до проводов в армию и от превращения его в солдата до возвращения домой, после «службы государевой».

¹ Повидимому, речь идет о Крымской кампании.

² См. также стр. 186.

³ См. стр. 3, 10, 46, 60, 69, 98 и др.

Историко-социальный смысл рекрутско-солдатской темы в творчестве Федосовой, как уже говорилось, заключается в истолковании семейного горя как горя социального, как результата государственного гнета.

«Военная реформа» Милютина 1874 г., как известно, не была единственным мероприятием царского правительства в этой области. Она явилась последним этапом реорганизации армии, начавшейся еще в 1862 г. Реорганизация армии проводилась крепостническим правительством крайне неохотно. В пору напряженнейшей политической ситуации в стране армия была жизненно необходимой опорой правительства. Поэтому к перестройке ее советники Александра II относились с особой осторожностью, старались затянуть ее на возможно более долгий срок. Однако, как бы проведение ее ни затягивалось, реформа была необходимой: в войне 1853—1856 гг. николаевская военная система доказала свою полнейшую несостоятельность. Кроме того, ярко выраженный крепостнический характер русской армии требовал преобразования ее в духе других реформ 60-х гг.

Военная реформа 1862—1874 гг.¹ была, как и все реформы этих лет, буржуазной реформой, проведенной крепостниками.

1862 г. принес мало облегчения и солдатам, и деревне, поставлявшей солдат. Офицерам попрежнему разрешалось бить солдат, николаевская муштра оставалась основой военной подготовки. В эти годы для солдат, обманутых ожиданием «воли», избиения и муштровка были не менее тяжелыми и оскорбительными, чем запрещенная теперь «зеленая улица» — сквозь строй. Сокращение срока службы, конечно, имело большое значение, однако срок ее — 15 лет — все же оставался достаточно долгим. Отслуживший солдатчину крестьянин возвращался в деревню физически сломленным человеком, его деревенское хозяйство за время его отсутствия при-

¹ Начало реформы было положено докладом Военного Министерства 15 января 1862 г.; 1 января 1874 г. — дата проведения в жизнь последней реформы, — «всесословной воинской повинности» — см. П. А. Зайончковский, *Военные реформы 1860—1870 гг. в России*, Издательство Московского университета, 1952.

ходило в совершенный упадок.¹ Кроме того, сокращение срока службы повело к резкому учащению рекрутских наборов — они стали почти ежегодными. Так, наборы с «обеих полос империи» (в том числе и в Олонецкой губернии) производились подряд в 1866, 1867 и 1868 гг.² Федосова сумела уловить эту особенную тяжесть солдатчины в годы затянувшейся военной реформы.

Более точная датировка текстов II тома представляет значительную трудность. «Плач по холостом рекруте» (№ 1) и «Плач по рекруте женатом» (№ 2), возможно, возникли в годы записи — в 1867—1868 гг. или незадолго перед этим. В этих двух текстах обращает на себя внимание частое упоминание Петрозаводска не только как пункта, куда родные отправляют рекрута, но и как места действия. В «Плаче о холостом рекруте» «соседка, у которой брат в солдатах», рассказывает о злключениях рекрутов в Петрозаводске, о разгоне плачущих женщин и т. д.³ Повествование это ведется с такими подробностями, которые не оставляют сомнения в том, что Федосова была очевидицей всех этих печальных событий. Следовательно, сообщая Барсову эти тексты, Федосова воспользовалась не только кузарандскими впечатлениями, но и своими наблюдениями в «петрозаводский период» (1864—1868) жизни.

Два других текста II тома — «Плачи при провах солдата с побывки» (№ 3) и «Плачи при побывке солдата на смерть своего отца» (№ 4) — можно датировать более определенно. Они основаны на каких-то воспоминаниях Федосовой о событиях, происходивших между 1856 и 1863 гг. В «Плаче при провах солдата с по-

¹ Напомним, что как раз в 1863 г. Некрасов написал «Орину, мать солдатскую». Сын Орины — Иванушка прослужил восемь лет, и этих восьми лет хватило, чтобы «выйти в бессрочные» «богатырского сложения здоровенному детинушке» и совершенно разориться его хозяйству. Некрасов, как нам кажется, не случайно называет половину нового срока службы в армии, показывая, что и его вполне достаточно. См. об этом в статье: К. В. Чистов, «Некрасов и народное творчество (задачи изучения)», в сб. «Некрасовский сборник», т. I, Л., 1951.

² См. опись фонда губернского по крестьянским делам присутствия (ф. 24—1), Гос. Архив КФССР, св. № 17, 20 и др.

³ Т. II, стр. 31, 37, 55, 162, 169 и др.

бывки» рассказывается о приходе солдата домой после войны с турками:

И как на нашу-то Русию подселённую
И наступали-то злоднн супостатннн,
И ведь думали-то турки окаянннн
И оны въехать в Русню подселенную и т. д.¹

Царь, отпустивший солдат на побывку после того, как «война усмирилась», называется то «царем», то «наследником».

И милосердый-то наследник сжаловáлся;
Уже он дал нам билеты подомóвын,
И отпускар да на родину нас на родинку...²

Совершенно так же рассказывается о приезде «наследника» на фронт и во втором плаче.³ Как известно, Александр II именно во время войны 1853—1856 гг. из «наследника» превратился в «царя». Кроме того, в «Плаче при побывке солдата на смерть своего отца» рассказывается об отпуске солдата на побывку после заключения мира и возвращения войск на родину.⁴

С другой стороны, события, изображаемые в обоих «плачах», не могли произойти позже 1863 г. В плаче № 3 рассказывается о солдате, который отпущен на год после 15-летней службы, следовательно срок службы еще 25-летний, как это было до 1863 г.⁵ В этом же тексте рассказывается о запарывании насмерть и о проведении «сквозь строй», запрещенном в 1863 г.:

И на ученьице, родитель, на мученьице
И уже бьют да нас, победных, без повинности,
И до ран да бьют, родитель, до кровавых,
И до умертвия, победных, бьют головушек,
И скрозе строй гонят, несчастных нас, солдатушков
и т. д.⁶

Может показаться, что наши попытки датировать рекрутские тексты Федосовой напрасны. Могла ли, действительно, Федосова, которая, при всей своей одаренности, оставалась неграмотной олонечкой крестьянкой, знать, в

¹ Т. II, стр. 222.

² Там же, стр. 185.

³ Там же, стр. 258—259.

⁴ Там же, стр. 259.

⁵ Там же, стр. 204.

⁶ Там же, стр. 220.

каком именно году были совершены те или иные преобразования в армии? Однако, по существу, это и не важно. Конкретность поэтического мышления Федосовой заставляет задуматься над каждым из текстов Федосовой, попытаться определить, когда мог произойти именно тот случай, о котором вспоминала Федосова, импровизируя Барсову для записи.

Таким образом, мы приходим к выводу, что тексты II тома в основном воспроизводят факты конца 50-х и 60-х гг. XIX в. Более ранние воспоминания Федосовой выступают с некоторым наслоением петрозаводских впечатлений; эти впечатления более поздних лет несколько не противоречат социальному смыслу передаваемых Федосовой основных фактов, наоборот, они расширяют ее поэтические возможности, обогащая ее знанием того, что происходило с рекрутами в Петрозаводске после «забрития».

Однако Федосова умела изображать не только виденное глазами. Совершенно поразительна ее способность проникаться смыслом известного «понаслышке». Нужно было обладать действительно незаурядной силой поэтического воображения, чтобы воспроизводить жизнь солдата с такой полнотой и с такими деталями, какие мы находим у Федосовой. Несмотря на то, что, как она говорит сама, она «не была во службы государевой, и не ходила по походам... солдатским»,¹ — в ее творчестве нашли свое отражение все основные моменты службы «казенного человека».

Например, солдат гонят на учение в зной и в холод:

И хоть студеная холбдна эта зимушка,
И хоть плящии морозы неудобнии,
Хоть на улице — погода непомерная,
Хоть буйны ветры с снежком идут перистым,
И столько нас бедных солдатушков бессчастных —
И на ученье нас гонят тут на улочку,
И на гладкое на чистое на полюшко;
.....
И на ученье стоим да день до вечера,
И с руки на руку оружье перекладываем —
И с ноги на ногу ведь мы да переступываем,
И справа налево ведь мы да все повертываем,

¹ Т. II, стр. 37.

И выше головы оружие подымаем,
И поскорешеньку оружие заряжаем.

И хоть оружища у нас да все промахнется,
Аль плечо с плечом у нас да все не сойдется,
Аль ступня с ступней у нас да не сровняется,
И тут заметят кумандеры-то ведь ротные,
И по белу личу дают да нам затрещенье,
Аль по головы дают оны заушенье, —
Аль под белую-то грудь оны подтычину.¹

Бессмысленная муштра соединяется с требованием внешнего лоска:

И наб в умы держать бессчастливым тут солдатушкам:
И как начальству нам победнушкам явится,
Штоб мондеры сукон серых наглажены,
И как оружище ведь были бы начищены,
И сабли вострыи ведь были бы наслетлены и т. д.²

С такими же подробностями рисуются ею и походы, и ночное стояние на часах, и «сраженьице», на которое гонит солдат безжалостное начальство.

Вместе с тем Федосова с гордостью рисует высокие боевые качества русского солдата, его смелость и выносливость:

Шаги делаем ведь мы да по-звериному,
Уж мы хоботы даем да по-лисиному;
И где нет пути-дороги, тут протариваем,
И где мхи да болота — тут орлом летим.
И на злодея мы, солдаты, наступали,
И за горы да супостата прогоняли...³

Тут одна рука не може, другая пали,
Тут одна нога упала, другая стои;
И раззудилося плечо да расхотилося,
И бурлацкое ведь сердце не устёрчиво:
И где ведь пулей неймём, там грудью берем,
А где грудь не берё, душу богу отдаем.⁴

Развернутое изображение тягот солдатской жизни неизменно сопровождалось у Федосовой четким осмыслением классового характера современной ей русской армии. Тяготы жизни «казенного человека» показываются Федосовой как прямой результат социального гнета, как

¹ Т. II, стр. 201—202.

² Там же, стр. 203, то же — стр. 39 и др.

³ Там же, стр. 259.

⁴ Там же, стр. 207.

один из видов «скрозекозной» деятельности ненавистных «властей». Армейские командиры — представители того же класса, что и «судьи неправосудные», с которыми солдату приходилось иметь дело дома, в деревне.

Не только ненавистью, но и прямым презрением труженника-крестьянина к паразитическому классу «ярыг скрозекозных» звучат следующие строки Федосовой:

И начальнички пошли да все бездельные,
У их женушки пошли да белоручки,
У их дочушки пошли да нечевухи:
И не ткиюшки оны да не прядеюшки и т. д.¹

И да што я скажу, победная головушка,
И я про этих злодиев супостатных,
И я про этих вертунов да самохватных,
И я про этих тонконог да вихреватых;
И как несчастны ведь, злодеи неталанни;
И как у этих хватов — да подтяни нога,
И как у этих вертунов — да посшиби рука,
И нету душеньки у их да во белых грудях;
И нету совести у их да во ясных очах;
И нет ума-то у их да в буйной головы...²

Презренные бездельники «изъезжаются»³ над солдатами, истязают их, запарывают их до смерти,⁴ походя раздают «подушенья» и «подтыченья» без малейшей провинности:

И уже бьют да нас, победных, без повинности,
И до ран да бьют, родитель, до кровавых,
И до умертвия, победных, бьют головушек,
И скрозе строй гонят, несчастных нас, солдатушков.
И не доносят тут ведь резвы наши ноженьки,
И доведут-то нас солдатушки несчастные;
И тут мы падем от побоев о сыру землю,
И тут ряхнемся ума-разума в головушке;
И мы не чувствуем ведь добрых-то людюшек,
И мы сами себя с побоев тут не ведаем,
И на плечах да мы не слышим тонко-белых рубашечек⁵
и т. д.

Офицеры обдирают солдат как могут. Взяткой можно откупиться от службы,⁶ добиться встречи с родными.⁷

¹ Т. II, стр. 49.

² Там же, стр. 225—226.

³ Там же, стр. 37.

⁴ Там же, стр. 37, 38, 41, 204 и др.

⁵ Там же, стр. 220—221.

⁶ Там же, стр. 50, 99.

⁷ Там же, стр. 55.

В армии господствует воровство, поэтому солдат так плохо кормят.¹ Солдатам некому пожаловаться — их челобитная не дойдет до царя, командиры «обыщут солдатуськов несчастных» и «изорвут гербовую бумажоньку».²

Нарисовав живую картину дореформенной армии и флота,³ осмыслив тяготы «казенного человека» как результат социального (государственного) гнета, Федосова призывает гнев божий на головы насильников и притеснителей,⁴ она проклинает их, готова резать их той бритвой, которой обриваются головы рекрутов:

Быдьте прокляты злодии — супостаты!
Вергай — скрбзь землю ты нехристь вся поганая;

И кабы — мне да это бритва наостренная,
И не дала бы я злодийной этой некрести
И над моим ноньку рождением надрыгаться;
И распорала бы я груди этой некрести...

(II, стр. 74—75)

Если в «Плаче о старосте» Федосова гневно проклинала «судей неправосудных», олицетворяющих в ее сознании бедствия пореформенных лет, призывала на их головы «божий гнев», страстно желала им всех несчастий, какие только может пережить человек, то здесь крестьянский протест против несправедливостей общественного строя пореформенной России находит свое предельное выражение. Строки, процитированные выше, могли быть начертаны на знамени любого крестьянского «бунта» 60—70-х гг. XIX века.

Г Л А В А 5

Во всех рассмотренных выше случаях социальные антагонисты крестьянства или определенных его групп выступают (или познаются) в качестве виновников несчастья — смерти, отправки в солдаты, страданий солдата, несчастий осиротевшей семьи и т. д. Индивидуальное, единичное несчастье осмысливается при этом как социально-типичное, характерное для всего крестьянства. Это, безусловно, основная линия развития социального

¹ Т. II, стр. 203.

² Там же, стр. 225.

³ О флоте см. стр. 77—78.

⁴ Там же, стр. 32.